

Памяти Саввы Ямщикова

© Фото С. Щербакова. «Шестое чувство», № 6. 2008

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

19 июля я впервые в жизни оказался в Париже. Поездка была дивная. Настоящая музейная феерия. Солнце, жара, рассвет над Лувром, которым я любовался из окна гостиницы. А еще Версаль, Фонтенбло, собор Парижской Богоматери, прогулки на кораблике по Сене... Было ощущение, что сбросил лет тридцать... Купив увесистую сумку книг, каталогов и любимые духи моей жены, я счастливый, окрыленный спешил домой. В аэропорту меня встречала Мария, яркая, в красном платье. Она смеялась, радовалась, целовала меня, но на лице будто лежала тень. Дома жена обняла меня и сказала: «Саввы больше нет!»... И все вокруг стало серым...

Савва Васильевич ушел как раз 19 июля. Жена жалела меня, щадила, восемь дней одна несла эту боль...

Поверить было невозможно. Сознание отказывалось. Савва много и тяжело болел. Совсем недавно лежал в Москве в больнице. Но более живого,

сильного, мощного человека просто нельзя было представить. Из больницы Савва сбегал на телевидение, все время занимался какими-то делами, а в палате у него был рабочий кабинет и десятки посетителей, вернее просителей, которые просто ни одного дня не могли существовать без помощи Ямщикова. Он был такой всеобщий благодетель и заступник. А какой веселый, остроумный был Савва Васильевич, эти его любимые рассказы, побасенки, над которыми хохотали все окружающие. Неиссякаемые истории можно было слушать часами. Он вообще в беседах предпочитал монолог и был воистину его мастером. А еще Савва Васильевич был создателем. Есть у нас в России такая порода «культурных деятелей», которая все время в оппозиции, всегда они против власти, традиций, устоев вековых. Всегда у них этакая фига в кармане, мол, «служить бы рад», но... А вот Ямщиков служил, преданно, каждый день, не ожидая лучших времен, «правильной» политики...

Есть у Николая Васильевича Гоголя замечательные строки: «Если вы действительно полюбите Россию, у вас пропадет тогда сама собой та близорукая мысль, которая зародилась теперь у многих честных и даже весьма умных людей, то есть, будто в теперешнее время они уже ничего не могут сделать для России, и будто они ей уже не нужны совсем; напротив, тогда только во всей силе вы почувствуете, что любовь всемогуща и что с ней возможно все сделать. Нет, если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; ... Последнее место, какое не отыщется в ней, возьмете, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей вашей нынешней, бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию. А не полюбивши России, не полюбивши своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не возгоревшись вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спасетесь вам». Савва Васильевич любил нашего русского гения и чутко слушал его духовный завет.

Об энергии, задоре, кураже, деятельном созидательном напоре Ямщикова долго еще будут ходить легенды. Например, незадолго до двухсотлетия Гоголя изумленная русская общественность узнала, что на территории современной России нет ни одного музея писателя. Есть на Полтавщине в селах Сорочинцы, Гоголево (бывшая Васильевка), Диканька, но это уже территория другого государства. А ведь Николай Васильевич писал по-русски, прославлял наш великий язык, считал украинский лишь диалектом... «Нам надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Доминантой для русских, чехов, украинцев и сербов должна быть единая святыня — язык Пушкина, какою является Евангелие для всех христиан, католиков и лютеран». Мы же — неблагодарные потомки — не удосужились увековечить память гения созданием хотя бы одного достойного музея. И эту нерадостную новость открыл нам Савва Ямщиков. Трудная борьба Саввы Васильевича увенчалась половинчатым результатом — музей в Москве был создан, но его экспозиция была чуждой глубокой православной душе Гоголя. Савва негодовал: «Опять разворовали деньги. Создали какой-то Диснейленд. Но мы все исправим. Дай срок, и настоящий музей появится. Мне уже сейчас несут мемориальные вещи. Мы их победим, мы их одолеем».

Савва был истовый человек. Прошедшее время с ним никак не вяжется. Так и жду, что сейчас раздастся телефонный звонок и веселый голос Ямщикова спросит: «Ну, как дела, профессор? Я тут приехал, заходите с Машей в гости». Он меня ласково называл профессором из-за моей любви к книгам. Эта книжная страсть нас еще больше сближала. Кстати, за всю долгую жизнь Савва не нажил никакого богатства. Его московскую квартиру украшала лишь огромная библиотека и картины друзей-художников, с любовью преподнесенные авторами. Савва Васильевич никогда не был коллекционером. Его широкая душа противилась любому собирательству, накопительству. Но подарки от любимых людей — это для Ямщикова было свято. Память он бережно сохранял. И этой своей счастливой памятью хотел поделиться с людьми, с народом, со зрителем. Поэтому к своему юбилею открыл выставку и напечатал каталог, который так и назвал — «Музей друзей». В нем Савва нашел добрые слова для каждого художника, кто дарил его когда-то своей дружбой. А дружить Савва Васильевич умел. Влюблялся в человека, ставил его на пьедестал и не хотел в нем разочаровываться до последней возможности. Просто не хотел замечать никаких недостатков. В этом была его великая сила — отдавать дружбе всего себя.

«Нет уз святее товарищества! Отец любит свое дитя, мать любит свое дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь свое дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь — и там люди! Также божий человек, и разговоришься с ним, как со своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе... Нет, так любить никто не может!» — так бы мог воскликнуть Савва Васильевич вслед за легендарным Тарасом Бульбой.

Вообще, другом в общепринятом смысле я не мог бы назвать Ямщикова. Дружба предполагает абсолютное равенство, а мы с женой относились к нему с нескрываемым пиететом, всегда обращались по имени и отчеству и на вы. Но между нами была искренняя любовь, я бы сказал, просто родственная связь. Первые слова Саввы всегда были: «Здравствуйте, родные мои!» Он мог нагружать нас житейскими мелочами: купить лекарство, погулять с собакой, найти нужную газету, встретить на вокзале, вовремя разбудить с утра... Когда Савва приезжал в Петербург, Мария каждое утро ждала его звонка с очередными просьбами, боялась занимать телефон...

Не могу не вспомнить и юбилей Ямщикова. Но сначала краткая предыстория. В октябре 2003 в Ярославле шумно и весело отмечали 65-летие Саввы. Друзья из Художественного музея хотели поддержать Савву Васильевича, еще не полностью оправившегося после продолжительной болезни. Конечно, приглашались все близкие, в том числе и мы с Марией. Но из-за срочной работы нам поехать не удалось. Савва долго дулся, при каждой встрече пенял, что-де все были, кроме Люкшиных. Поэтому за несколько месяцев до своего семидесятилетия Ямщиков позвонил и в свойствен-

ной себе манере сказал: «Профессор, у меня юбилей. Вы с Машей должны быть. Иначе обижусь навсегда». Потом он звонил еще раз пятнадцать. Жена отчитывалась, что взяла билеты, на такое-то число, на такой-то поезд. Савва все жестко контролировал. Наконец, рано утром в день юбилея Ямщиков строго приказал: «Смотрите, не опаздывайте!» Конечно после этих слов жена, которая просто боготворила Савву Васильевича, бросив все дела, смотрела все его выступления по телевизору, о которых он ей регулярно сообщал, заставила меня выехать на два часа раньше. В общем, мы были первыми и встречали подъехавший кортеж Ямщиковых у парадного крыльца, словно мы были хозяевами этого роскошного, только что отреставрированного московского особняка — Дома Пашкова (Румянцевская библиотека). Савва был в полном восторге. Я думаю, в эту минуту он простил нам все прежние и будущие преступления.

Само торжество было настолько грандиозно, что трудно поддается описанию. Съехалась, кажется, вся Россия. Губернаторы, директора музеев, знаменитые телевизионщики, артисты, художники, реставраторы... Даже разведчики и генералы ФСБ... Зачитывали поздравление от президента Дмитрия Анатольевича Медведева. Архимандрит Тихон (Шевкунов), автор прекрасного телевизионного фильма «Уроки Византии», вручал орден от имени Святейшего Патриарха Алексия II. Одним словом, столько известных лиц вместе я в жизни не видел. Гуляли широко, по-московски...

Но удивительно, что после столь шумного торжества в Савве ничего не изменилось. И когда через день мы с женой навестили его дома, Ямщиков был такой же, как прежде, — добрый, родственник, веселый. Они с дочерью Марфой разбирали гору подарков. Мы долго болтали, смеялись, а когда засобирались домой, Савва сказал моей жене: «Я хочу, чтобы ты взяла на память букет. Мне будет приятно», и дал семнадцать роскошных пурпурных роз. Они потом на удивление долго стояли. Мария была счастлива и, смеясь, называла Савву Васильевича — наш московский старообрядческий дядюшка.

Род Ямщикова по матери был старой веры, причем принадлежал к одному из самых строгих согласий — беспоповцам. В Москве их церковь сейчас располагается на Преображенском кладбище.

Савва Васильевич был удивительно схож с любимым героем Павла Ивановича Мельникова (Андрея Печерского), великого певца старообрядчества, в романах «В лесах» и «На горах» — Патапом Максимычем Чапуриным. Та же внешняя суровость, вспыльчивость, домостроевские привычки, деловитость, оборотистость, я бы сказал, жизненная хваткость. И при этом удивительная доброта, щедрость, детская ранимость, умение прощать и признавать свои ошибки. Савва очень любил свою жену, знаменитую балерину Валентину Ганибалову, свою дочь Марфушу настоящей патриархальной любовью, теперь она уже редко встречается. В наших умах «Домострой» ассоциируется лишь с жестким подчинением главе семьи и с телесными наказаниями. А ведь суть этого поучения, написанного в XVI веке, видимо, монахом Сильвестром, совсем в ином. Глава семьи, глава рода — это главный ответчик перед Богом за каждого из своих близких.

Он — отец, радетель о благе дома, домочадцев. Суть его жизненного поприща — ответственная любовь. Я думаю, что этим идеям полностью отвечала жизнь Ямщикова. Но только в еще более широком смысле. Савва Васильевич ощущал свою личную ответственность не только за семью, но и за всю нашу великую Родину.

Воспитанный в старообрядческой вере, Савва никогда не чурался Русской Православной Церкви Московского Патриархата. Мы часто разговаривали с ним о необходимости искать пути сближения, сращивания этих разрозненных ветвей единого мощного корневища. Ямщиков был знаком и дружен со многими выдающимися церковнослужителями. Но особое, я бы сказал, главное место в его душе навсегда занял настоятель Псково-Печерского монастыря архимандрит Алипий (в миру Иван Михайлович Воронов). Это была легендарная личность. Его духовными чадами было множество самых разных людей от простых полуграмотных старушек до маршалов. И нам с Саввой Васильевичем посчастливилось обрести в нем истинного Батюшку. Я сам попал в монастырь в 1966 году шестнадцатилетним мальчишкой. Тогда я только слышал о реставраторе Савве, любимце настоятеля, но лично знаком с ним не был (у нас разница в возрасте почти в одиннадцать лет и в те годы она была, конечно, слишком заметна). Спустя много лет, встретившись и впервые заговорив об отце Алипии, мы почувствовали такую близкую связь, столь сильное душевное родство, что с тех пор уже не могли обходиться друг без друга. Нас объединяло особое Псково-Печерское братство...

Архимандрит Алипий был истинным светочем Православия. Необыкновенно красивый внешне, он соединял в себе все лучшее, что от века было в русском народе, в русском монашестве: великую веру, не смиряемую никакими запретами, доброту, любовь, уникальную щедрость, абсолютное бесстрашие, готовность пожертвовать жизнью, умение видеть и создавать прекрасное, широту взглядов, которую Достоевский называл «всечеловек». За свои шестьдесят один год отец Алипий успел необыкновенно много: был художником, воином, монахом, настоятелем монастыря. Сначала защищал Родину на полях сражений, потом так же бесстрашно защищал Православную веру от гонений властей. Воссоздал из руин, благоукрасил Псково-Печерскую обитель. Мой дорогой учитель отец Алипий любил повторять слова апостола Иоанна: «Дети мои! станем любить не словом или языком, но делом...» И продолжал: «Никогда не забывай, сынок, ты не одинок в мире. Помогай каждому, кто попросит. С собой ничего не унесешь, кроме чистого сердца. Все, что нажил, остается людям. Любовь остается людям».

Могу с уверенностью сказать, что самым преданным учеником и последователем Батюшки был Савва Васильевич Ямщиков. Верный памяти дорогого нашего наставника, именно он первый в начале 90-х годов опубликовал статьи об архимандрите Алипии, его уникальном жизненном пути, его мудрых наставлениях. Именно его стараниями были позднее созданы книга и фильм о нашем дорогом учителе.

Влюбленный во все прекрасное, Батюшка, будучи уже настоятелем монастыря, собрал большую коллекцию предметов искусства. Незадолго до

своей кончины, а он знал о своей тяжелой болезни, отец Алипий заговорил с Саввой Васильевичем о судьбе своего собрания. Конечно, все собственнно богослужебные раритеты, иконы должны были остаться в монастыре. Но оставалось еще немалое число картин, судьба которых волновала настоятеля. И Савва предложил договориться о передаче прекрасной коллекции живописи в Государственный Русский музей и Псковский музей-заповедник. И чудесные произведения обрели благодаря его стараниям новую жизнь.

Ямщиков был не только защитником, но и выдающимся пропагандистом русского искусства. Савва с редким умением занимался организацией выставок только что отреставрированных древнерусских икон, ярославских бытовых портретов, случайно найденных в глухой костромской деревне Шаблово картин гениального русского живописца Ефима Честнякова. И делал замечательные передачи по телевидению, сначала еще советскому, привлекая все новых и новых поклонников, влюбленных в русское искусство.

Савва Васильевич любил не только иконопись, живопись, но и творцов, то есть самих художников, отчетливо понимая, как нелегко бывает найти верную дорогу, сколько бывает ошибок и как редки удачи. Савва был добр и щедр на похвалу, может быть, и не всегда заслуженную.

Когда на Пасху 1998 в Санкт-Петербурге я организовывал первую выставку памяти нашего дорогого наставника отца Алипия, собрал художников, иконописцев, знавших и любивших Батюшку, Савва Васильевич не смог приехать. Мы тогда поговорили по телефону и только. Был самый разгар его тяжелой болезни. Но Господь пощадил Ямщикова, сберег его для России. Савва пересилил болезнь. И началось его триумфальное возвращение...

В январе 2003 Савва Васильевич с большим трудом — ходить ему тогда было еще очень тяжело — пришел на мою первую большую выставку «Лики России» в Москве, в Музее на Поклонной горе. А в апреле 2004 уже открывал мою персональную выставку в Государственной Думе. Я знал, что все дается ему через преодоление и страшную боль. Но Савва хотел меня поддержать, дать мне частицу великой братской любви, которой нас благословил отец Алипий. И я этого никогда не забываю... Это моя благодарная память...

Ну, а потом, как вставший с постели Илья Муромец, Ямщиков обрел богатырскую мощь. Сколько он успел за последние пять лет — просто трудно вообразить. Об этом еще будут написаны тома — житие Саввы Васильевича Ямщикова. Его энергии и организаторскому таланту могут позавидовать многие молодые. Причем загорался Савва мгновенно и, как ни странно, всегда доводил задуманное до конца. Увидев у меня работы по Гоголю, быстро договорился о проведении двух выставок «Очарованные Гоголем» в Москве и Пушкинском заповеднике в Михайловском. Следующая должна была состояться в Риме, в ноябре этого года. 10 июля мы как раз обсуждали с Саввой ее проведение. Это был наш обычный телефонный разговор, короткий. Ямщиков всегда спешил, у него были сотни дел. На прощанье он просто сказал: «Обнимаю тебя, родной мой. Увидимся в Пскове,

там поговорим. Обязательно приезжайте с Машей», — и повесил трубку. 28 июля 2009 нашему незабвенному отцу Алипию должно было бы исполниться девяносто пять лет (к сожалению, в 1975 он ушел от нас навсегда). В этот день в Псковском музее-заповеднике должен был состояться вечер его памяти и открыться моя персональная выставка. Так задумал Савва Васильевич... И все свершилось, но уже без него...

19 июля, в день ухода Саввы Васильевича, моей жене позвонили человек пятьдесят. И все выражали соболезнования, все знали, что для нас с Машей значил Ямщикова. А когда она приехала на похороны, то увидела сотни людей, они в церкви Святогорского монастыря на отпевании не могли поместиться. И для каждого из них это было личное горе. Народное горе. Может быть, впервые жена задумалась, скольким людям, так же как и нам, Савва Васильевич был родным. Я вообще думаю, что наш Савва был родным для всей России. Он был ее преданным сыном и пламенным защитником. Святейший патриарх Кирилл в словах соболезнования отметил, что «обширная и многообразная деятельность, требовавшая огромных усилий, характеризовала Ямщикова как человека, в полной мере осознавшего ответственность перед потомками за национальное культурно-историческое достояние. Он был известен и как искренний, бескомпромиссный поборник исторических традиций нашего народа, много потрудившийся для сохранения им своего неповторимого лица».

Савва был очень русским человеком, сам имел это «неповторимое лицо». И был истинным славянофилом. Очень гордился духовным родством с такими великими предшественниками, как Алексей Степанович Хомяков, Иван Васильевич Киреевский, братья Иван Сергеевич и Константин Сергеевич Аксаковы... Эти русские мыслители уже редко цитируются сегодня. Они не слишком совпадают с общим стремлением в цивилизованную Европу. Вот только верен ли выбранный нами путь, или все-таки стоит поискать свою собственную особую дорогу? Оптинские старцы предрекали, что Россия никогда не будет богата материально, зато будет являть миру истинные примеры богатства духовного. Я в это верю, и Савва верил. И готов был отстаивать свою веру до конца. В его истовом стремлении докричаться, быть услышанным, я вижу настоящий Аввакумовский огонь.

Савва Васильевич представляется мне героем незаконченной картины Павла Дмитриевича Корина «Уходящая Русь». В 1925, на похоронах патриарха Тихона, художник задумал этот «Реквием». Под сводами Успенского собора в Кремле идет богослужение. Собрался весь православный клир — от митрополитов до юродивых. Это — не обычная служба. Это — сама непримиримость, это — воинство Христово, поднявшее все силы, чтобы защитить свои великие идеалы. «Сердца на копья поднимем...» На этюдах к картине священнослужители, монахи, схимники, калеки, юродивые... В их лицах нет смирения. Они горят экстазом веры. Как не похожи они на умиротворенный мир монашества, созданный учителем Корина Михаилом Васильевичем Нестеровым. Там добродетельная тишина и покой, здесь — готовность умереть, пойти на мученичество за веру... Для меня Савва стоит рядом с ними... Хотя сам Ямщикова мог бы и поспорить. К неистовому Ко-

рину он относился достаточно сложно, любил лиричного, доброго Нестерова...

Конечно, Савва Васильевич — это раритет, реликт... Даже день его рождения — 8 октября — знаменательный. В этот день Русская Православная Церковь прославляет святого преподобного Сергия Радонежского. И хотя Ямщиков получил при крещении имя в честь святого Саввы Вишерского, совпадение это не случайно. Батюшка Сергей — это без преувеличения самый почитаемый и любимый русский святой. В нем с удивительной полнотой сочетались смирение, кротость, чудесные видения, «умное молитвенное деланье» — исихазм, и государственное видение. Ведь именно Преподобный совершал пешие походы из монастыря, чтобы мирить воюющих русских князей, благословил Куликовскую битву, был духовником Дмитрия Донского, провожал великого князя в последний путь, засвидетельствовал его духовное завещание. Именно святой Сергей начал общежительную монастырскую реформу на Руси. Ученики подвижника, по его благословию, сами основывали обители на новых землях, чем способствовали широкому распространению Православия, несли просвещение и культуру, сплывали разрозненный русский народ. Наконец, именно с Сергием Радонежским связано возникновение культа Святой Троицы. В эпоху страшной татарщины, трагической усабицы русских князей, когда брат шел на брата, Троица воссияла великим символом, призвавшим Русь к новой светлой жизни. По словам Григория Георгиевского, «в Троице Сергием было указано не только святейшее совершенство вечной жизни, но и образец для жизни человеческой, знамя, под которым должно стоять все человечество, потому что в Троице, как Нераздельной, осуждаются усабицы и требуется собрание, а в Троице Неслиянной осуждается иго и требуется освобождение».

Я думаю, что отсвет этого удивительного русского подвижника осветил Савву Васильевича еще в юности. Он был рожден для великой жизни. Жизни, сочетающей в себе небесное и земное, глубокую веру и активную деятельность. Не случайно именно Ямщикова просил Андрей Арсеньевич Тарковский стать консультантом «Андрея Рублева», великого фильма, так много поведавшего миру о России и Православии. Савва твердо знал, что всегда, во все времена стояла наша Отчизна на праведнике. И каковы бы ни были трагические и страшные этапы русской истории, несмотря на усабицу и разруху, творец будет ее благоукрашать. Обязательно родится мальчик, которому Бог откроет умение лить колокола, и другой — который напишет Евангелие в красках...

Именно через них и говорит Господь с нашим народом. Через них являет ту духовную красоту, которая и должна, как заметил Достоевский, спасти мир...

*Юрий ЛЮКШИН,
заслуженный художник России*